

18+

Ольга Сквирская

В консерватории что-то поправить

«Издательские решения»

Сквирская О. Е.

В консерватории что-то поправить / О. Е. Сквирская —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-550767-9

В Новосибирскую консерваторию я поступила в середине 80-х. Закончила, увы, в другой стране — в перестроечной России. На собственной шкуре я испытала ломку мировоззрения, кризис идеологии и бытовые проблемы. Однако студенческий дух консерватории — веселый и творческий, не истребим. Конечно, не стоит проводить параллели с реально существующими людьми. Все образы в моей книге собирательные, а имена в основном измененные. Любое совпадение событий и ситуаций является чистой случайностью.

ISBN 978-5-00-550767-9

© Сквирская О. Е.
© Издательские решения

Содержание

Абитура	6
Как я ночевала на кафедре марксизма	10
Зачетка	14
Гений и электротехника	16
Все путем	17
Синее платье	20
Злая fuga	23
Зачет по фольклору	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

В консерватории что-то поправить

Ольга Евгеньевна Сквирская

*Консерватория, аспирантура, мошенничество, афера, суд, Сибирь.
Консерватория, частные уроки, еще одни частные уроки, зубные
протезы, золото, мебель, суд, Сибирь.*

*Консерватория, концертмейстерство, торговый техникум, зав.
производством, икра, крабы, валюта, золото, суд, Сибирь.*

Может, что-то в консерватории подправить?

Михаил Жванецкий

© Ольга Евгеньевна Сквирская, 2021

ISBN 978-5-0055-0767-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Абитура

Имена изменены, образы собирательные

О консерватории я мечтала полжизни.

Но уж на что в моем родном студенческом городе, университет на университете, а консерватории в нем нет. Ближайшая в столице Сибири.

Туда и отправились мы вчетвером после окончания музыкального училища.

...Обычное общежитие показалось нам чем-то вроде Царства Божия. Язык пока не поворачивался назвать его по-простецки «общагой» – ради такого панибратства надо было как минимум поступить.

С огромными чемоданами, набитыми нотами и учебниками, шагали мы от трамвайной линии по указанному адресу.

Сквозь июньскую тополиную зелень проступила серая девятиэтажка. Из каждого раскрытого окна метров за сто наперебой разносились звуки Рапсодий Листа, Концертов Рахманинова, Каприсов Паганини, – свежая абитура готовилась ко вступительным экзаменам.

– Зачем им поступать, если они так играют, – пробормотала Маринка.

Вконец морально раздавленные бравурными аккордами и немислимо виртуозными пассажирами, мы несмело вошли в святая святых и направились к коменданту, заселяться.

...Едва закинув чемоданы в пустую общарпанную комнату, мы немедленно реализовали то, что считал своим долгом каждый житель нашей страны, посетивший столицу Сибири: отстояли в кондитерской длинную очередь за большим фирменным тортом, с белково-кремовыми березками в качестве сибирского бренда.

Этот торт мы увлеченно поедали в течение трех первых дней нашей абитуры, после чего рвения заметно поубавилось.

– Хочешь тортик? Вон отрежь себе, в том углу лежит, – предлагали мы каждому, кто заглядывал к нам в комнату.

К торту прикладывались и землячки-старшекурсницы, снисходительно учившие нас жить и поступать, и народники с духовиками из нашего училища, заглянувшие проведать, и новообетенные товарищи-конкуренты, зашедшие за учебником и тоненько моросившие, типа, «ужас, как гоняют...» или «десять человек вчера не сдали и уехали домой», – а торт все никак не заканчивался.

Конкурс у музыковедов в этом году поистине дикий, прямо как в какое-нибудь театральное.

Но и мы не лыком шиты: наше провинциальное музучилище под управление знаменитого Шефа, даром что незрячего, издавна славилось крепкой подготовкой теоретиков и исправно поставляло кадры в близлежащую консерваторию. Правда, понаехало нас многовато, не могут же принять столько абитуриентов из одного города.

Тем не менее мы дружно шли напролом: каждую свободную минуту усердно занимались, писали «шпоры», разрабатывали системы визуальных подсказок и проч.

А экзаменов тьма-тьмушая. Ежедневно с утра до полудня мы толпились около какого-нибудь кабинета или зала для прослушивания, а потом то писали диктант, то отгадывали викторину, то играли фортепианную программу, то отвечали по билету на тему из музыкальной литературы. К вечеру, с замиранием сердца, искали свою фамилию в новых списках. Если фамилии не окажется, значит, не поступил, свободен...

В общем, день простоять да ночь продержаться...

...Экзаменационная тусовка – дело непростое: концентрация снобов на единицу пространства превышала допустимую норму.

Нас сильно напрягали еврейские узкоплечие очкарики, картаво излагавшие музыковедческие премудрости, высокомерные зубрилки с Урала, тараторившие наизусть целые страницы из теоретических трактатов, местные отличники, уверенно упоминавшие Шнитке да Канчели, неизвестных нам, темным провинциалам. Кроме того, в толпе всегда кто-то ныл «я нич-че не знаю» да «я не сдам». Не прибавляло оптимизма и то, что наши ряды таяли день ото дня, хотя шансы увеличивались.

Мы худели на глазах, потому что явно недоедали.

Тортик рано или поздно закончился, после чего выяснилось, что наше пропитание никак не организовано: во-первых, мы не имели ни посуды, ни припасов. В магазинах в ту пору царил «совок» в его худших проявлениях: на прилавках не стояло ничего съестного, кроме уксуса и лаврового листа.

Пельмени фабричной лепки, смороженные в один ком, – вот и все, на что можно было рассчитывать. Однако магазины с пельменями «Монолит» имели подлую привычку закрываться как раз тогда, когда мы возвращались в общагу, ощущая тягучую пустоту в желудках.

Днем мы еще как-то питались в обкомовской столовой, указанной нам бывальными консерваторцами, а вечерами становилось грустно...

Но не тратить же драгоценное время на обустройство быта и на добычу продуктов, ходьбу по магазинам, стояние в очередях, приготовление ужинов, когда над головой, как домоклов меч, висит угроза провала.

– ...Не ждали? – воскресным утром на пороге нарисовалась жизнерадостная Светка с чемоданом. – А я тоже решила с вами. Не поступлю – ну и не надо.

Светка была полная, румяная, хозяйственная и в меру ленивая. Закончив училище с тройками, она вышла замуж за военного. Даже речи не шло о том, что она собирается поступать.

Мы обомлели. С одной стороны, мы были ей рады: на курсе она была заводилой и масовиком-затейником, а с другой...

– Да вы не бойтесь – я на заочное, вам я не конкурент, – утешила нас Светка и по-хозяйски огляделась. – Надо бы борща наварить. На базар сходить, продуктов закупить...

«Начинается», – подумала я.

Светка всегда саботировала все наши сборища по подготовке к семинарам. «Нельзя ли покороче, самое основное», – командовала она, когда все же удавалось ее с трудом усадить за конспекты и клавиры.

– Вот сварим сегодня кастрюлю борща, а завтра вдруг нас выгонят – и кто его будет доедать? – возразила я.

Для нас это стало почти приметой: не готовить, чтобы не завалить.

В первый вечер Светка все же нажарила картошки, привезенной из дома, раздобыв у соседей сковородку.

– Это наша последняя картошка, – пригрозила я, поедая ужин. Впрочем, не без удовольствия...

Кое-как Светка встроилась в нашу зубрильную компанию и даже вошла в азарт. Но к концу дня зверски хотела есть не только она одна.

...Уж не помню экзамена, к которому мы так напряженно готовились. Кажется, он был одним из самых ответственных, поэтому мы старались не терять ни минуты.

Уже начало смеркаться, когда мы вдруг почувствовали, что от рези в желудке ни о чем музыкальном не можем думать...

– Магазины закрылись... – произнесла Маринка, выразив всеобщее сожаление.

– Может, в гости сходить? – предложила Аля. – К тем, кого мы угощали тортиком?

– Если не разъехались, – заметила я.

Дружную толпой мы решительно двинулись в гости.

В середине лета общага пустовала: студенты отбыли на каникулы, основная абитуриентская масса, завалившая экзамены, отчалила по домам. Смолкли романсы Рахманинова и мазурки Шопена. Лишь самые стойкие еще держались.

Мало того, что уже стемнело, так еще и половина лампочек была выкручена, и лифты не работали. Мы бродили, как привидения, по всем четырем блокам, туда-сюда. К сожалению, двери всех комнат, в которых проживали наши знакомые, оказались заперты. Костеря «предателей» последними словами, мы бесцельно болтались по пустующим этажам.

– Там что-то шумит... – я остановилась у входа в одну из секций и прислушалась.

Явно работала плита, и в кастрюле что-то бурлило...

«Борщ!» – предположила я, затем заглянула на кухню. Никого...

Я схватила кипящую кастрюлю и бросилась вниз. Наши – за мной. Через четыре пролета мы перевели дух на лестничной клетке, и я поставила кастрюлю на подоконник.

– Давайте посмотрим, – Маринке не терпелось.

Я осторожно приоткрыла кастрюлю... Бигуди... Там кипятились бигуди! Тьфу!..

Оставив кастрюлю на подоконнике, разочарованные, мы зашагали вниз.

Кто-то из нас решил по пути заглянуть еще в одну пустующую секцию. Мы гуськом прокрались следом.

О счастье! – в секционном шкафу заваялся распечатанный пакетик с рожками, целое сокровище.

– Я на шухер встану, посмотрю, нет ли кого, – предупредила я и обошла санузел с одной стороны (такая уж планировка у наших секций: умывальная и туалет располагаются посередине, а по обеим сторонам коридоры и двери в комнаты).

Обойдя вкруговую, я выглянула из-за угла. Как вдруг чья-то физиономия высунулась с противоположной стороны, дико заорала и скрылась. Я опознала Маринку и бросилась к выходу. Переполошенные, мы скатились кубарем с лестницы и очнулись только на первом этаже.

– Что случилось?.. – я никак не могла отдышаться. – Чего ты кричала?

– Там... там... кто-то был, – сообщила Маринка.

– Так это я была, – догадалась я.

– Ты?!!

– Ну да!

– Фу, а я так испугалась! – захохотала Маринка.

Навеселившись вдоволь, мы спохватились: где же рожки?

– А я их там бросила, я подумала, хозяева пришли, – сказала Светка. – Вы так заорали...

Мы поплелись вверх на поиски злополучного пакета. Но никто уже не помнил, на каком этаже из девяти это произошло. Мы совались во все секции подряд, но все было не то. Наконец, обессиленные и разочарованные, мы прекратили поиски и горестно поплелись домой.

– Неужели мы так и ляжем спать голодными! – взмолилась Светка. – Должен же быть какой-нибудь выход.

...Спасение пришло совсем неожиданно. Вдруг распахнулась дверь, и в комнату заглянула соседка, флейтистка из Кемерова.

– Девчонки, угощайтесь, – и она небрежно швырнула на ближайшую койку большую коробку с кукурузными палочками.

Мы хором издали восторженный вопль...

...Прошли годы, появилось много вкусного и разнообразного лакомства, а я по сей день всем гастрономическим наворотам предпочитаю кукурузные палочки. Когда я их ем, то испытываю неподдельное счастье.

Еда давно стала доступной, музыковедение ненужным. Консерватория давно закончена, непонятно только, зачем? В середине 80-х, когда мы поступали, «музыковед» – это звучало гордо, непыльная такая профессия за приличные деньги.

Закончили консерваторию мы совсем в другой стране, где трудно было себе вообразить более бесполезное образование. Мы с мужем, тоже музыковедом, попробовали было преподавать в университете. Звучит красиво, зато зарплата исчислялась... одиннадцатью «Сникерсами».

Может, в консерватории пора что-то поправить?

– Я б в риелторы пошел, – решился Шурик.

Увидел в газете объявление: «Агентству недвижимости „Аккорд“ требуются риелторы».

– Название подходящее, – одобрил Шурик, последний романтик. – Дай-ка туда позвоню.

– ...Образование какое? – спросили с того конца провода.

– Высшее музыкальное, – неуверенно ответил он.

– Какую консу заканчивал? Нашу? – обрадовался голос. – А живешь где? Так это рядом с общагой! Давай к нам!

Ударник, кларнетистка и музыковед – вот компания какая.

... Через какое-то время у нас появился двухэтажный дом.

Значит, все было не зря.

Как я ночевала на кафедре марксизма

Имена изменены, образы собирательные

Первые месяцы учебы в консерватории – сплошной шок.

Вокруг таланты и гении, а ты так, погулять вышел. Как пели в консерваторском капустнике:

«Либерманы, Броны, Корны, а я маленький такой»...

Но сейчас не об этом, а о том, как я ночевала на кафедре марксизма.

...Мы с Маринкой попали в редколлегию консерваторской стенгазеты, уж не помню как.

Задача первокурсниц проста: подай-принеси, поддержи карандаш, – но не только. Наша главная роль – изображать восторженную публику. Мы были «хлопальщицами и хохотушками» у старшекурсников, – причем безо всякого принуждения.

С самого первого часа, едва войдя в крохотную аудиторию, где заседала редколлегия, мы были сражены наповал качеством искрометных шуток и высочайшим уровнем интеллекта наших «дедов».

Редактором стенгазеты был пятикурсник с мальчишеским вихорком на макушке. Щуплый, по-мальчишески задиристый, этот Костик выглядел совсем не солидно. К тому же у него была такая забавная фамилия, что ему даже прозвище не требовалось.

Тем не менее от юноши за версту веяло Академгородком, уроками французского, энциклопедическими знаниями и степенью посвящения в недоступные нам тайные знания.

В редколлегии подвизалась также полненькая очкастая Алла, по виду синий чулок, но страшно умная.

Приходила и Ниночка-красавица-отличница-вокалистка-комсомолка. Комсомолка в первую очередь, недаром она подрабатывала лаборанткой на кафедре марксизма-ленинизма.

Эти Костик с Аллой постоянно что-то или кого-то вышучивали, виртуозно перехватывая остроты друг от друга на лету, как мячики. Мы с Маринкой чуть не рыдали от смеха, восхищения и бессильного страдания по поводу того, что никогда, никогда нам не жонглировать словами так, как они, – легко, играючи. Красавица Ниночка в этом не участвовала, тихо улыбаясь в сторонке.

Удивительно, но про что была газета, я не запомнила. Кажется, мне даже поручили что-то там раскрасить, к чему-то написать заголовок. Вроде выполнила, но очень средне. У меня не было ни одного шанса проявить себя, настолько блестящей была та капустная тусовка, до которой я была милостиво допущена.

Через три месяца сменился редактор стенгазеты. Теперь нами командовал профессор Лужский, известный консерваторский мачо, который славился своими прогрессивными и демократичными взглядами на жизнь и на музыку. Тоже ничего плохого.

Правда, теперь веселье как выключили. Великолепный на публике, профессор вовсе не торопился расходовать себя по пустякам, на заседаниях редколлегии, в присутствии каких-то невылупившихся птенцов. Регулярно опаздывая на несколько часов, он вваливался в аудиторию истории музыки, – именно там теперь выпускалась газета, – мрачный, скучный, весь занятый.

Газету Лужский старался выпустить быстро, общался деловито и скупой, буднично раздавал рутинные задания.

В общем, мы были и разочарованы, и подавлены величием и недосыгаемостью главного редактора, львиную долю времени проводя в тягостных ожиданиях.

...Вот почему в ту предновогоднюю ночь мы не смогли вечером уйти домой, в общежитие.

Слоняясь по опустевшей консерватории, почти допоздна мы прождали Лужского, настраиваясь на предстоящий всенощный аврал. Наконец профессор объявился.

Однако тому пришлось работать на два фронта.

Пока мы выполняли очередное задание в пресс-центре, Лужский успевал, переместившись в концертный зал, с блеском покомандовать репетицией консерваторского капустника.

А в это время в спешном порядке мы печатали статьи, клеили фотографии, красили заголовки. И конечно, попутно отвечали на многочисленные телефонные звонки:

– Алло, кафедра истории музыки. Нет, Лужского здесь нет, он на репетиции капустника. То и дело мы забежали к Учителю за инструкциями, прямо в концертный зал.

Конечно, уж там мы позволяли себе чуть-чуть подглядывать. На репетиции крутились и Костик, и Алла, и Ниночка.

Боже, как там было круто! Молодые профессионалы, без пяти минут, так здорово играли и пели, такими задорными были номера, такими острыми шутки, какими они могли быть только до наступления эпохи гласности.

Например, этот номер:

– У солдата выходной, пуговицы в ряд! – зычно, по-солдафонски, распевали дирижеры-хоровики, выстроившись в два уровня, словно «краснознаменный хор». – Ярче солнечного дня, ... пуговицы в ряд!

Часовые на мосту, ... пуговицы в ряд!

Проводи нас до ворот, ... все пуговицы в ряд, все пуговицы в ряд!

Идет солдат по городу, по незнакомой улице,

И от улыбок девичьих ... все пуговицы в ряд!

Не обижайтесь девушки, ведь для солдата главное,

Чтобы его любимые... все пуговицы в ряд!

Зрители уже сложились пополам, в истерике, а ведь впереди еще один уморительный куплет, с припевом.

Вот как консерваторское братство высмеяло один из студенческих кошмаров, службу в армии, – как правило, в муззвезде Сибво.

В общем, мы ничуть не пожалели, что не ушли спать домой, в общагу.

И репетиция, и работа над выпуском закончились только в пятом часу ночи. До утренней лекции оставалось всего ничего. Только мучительно хотелось спать.

Тогда Маринка устроилась ночевать на кафедре истории музыки, на кушетке, а меня Ниночка по благу отвела на кафедру марксизма. Там стояло большое удобное кресло. Забравшись на него с ногами, укрывшись своим пальто, я отрубилась...

Меня разбудил телефонный звонок.

...Вокруг резкого звука в моем просоночном состоянии тут же образовался какой-то фантазмагорический сюжет, затем сон оборвался.

Не открывая глаз, протянув руку в направлении звука, я сняла трубку:

– Але... Кафедра истории музыки...

Открыв один глаз, спросонья увидев на стене в рамке профиль вождя, я сообразила, что история музыки тут не при чем...

– Ой, нет: кафедра марксизма-ленинизма, – плохо владея не проснувшимся еще голосом, исправилась я.

– Что?! Кто это?! Что Вы там делаете? Как фамилия? – услышала я металлический тембр, от которого с меня мигом слетели остатки сна...

...На лекциях по истории партии эта дама, обводя острым взглядом поток первокурсников, не только пофамильно опознавала тех, кто сидел на лекции, но и засекала всех, кто на нее не пришел.

Заведующая кафедрой марксизма, подтянутая крашенная блондинка с вкрадчивой и даже ласковой речью, от которой становилось не по себе, была злопамятной и мстительной. Отмечая тех, кто позволяет себе опаздывать, кто не проявляет должной активности на семинарах, кто пропускает демонстрации, припоминала им все это на ближайшем экзамене. Недостаточное усердие в идеологической сфере само по себе приравнивалось к проступку, не говоря уж о прямом диссидентстве. Она никогда не повышала голоса, но от нее веяло чекистским прошлым нашей страны, которое мы уже не застали, но интуитивно ощущали, в виде мороза по коже.

На кафедре марксизма все, от доцентов до лаборантов, были штатными и внештатными сотрудниками спецслужб.

Эта кафедра была всемогущей. Понятно, что при таком скоплении талантов, потенциальных поставщиков валюты в страну, твердой рукой необходимо внедрять в консерватории правильное, патриотическое воспитание.

Это я к тому, что кафедра марксизма в конце декабря восемьдесят четвертого года – самое неудачное место для ночлега, которое только можно изобрести...

– ...Как Ваша фамилия! Отвечайте! – кричала в трубку Железная леди...

Больше всего на свете мне захотелось, чтобы этот дурной сон прекратился. Не придумав ничего лучше, я тихо положила трубку. Но не тут-то было: телефон разразился новыми трелями.

Сбежать?.. Так она все равно узнает фамилию, и будет еще хуже... Подумает, что я здесь занималась чем-то нехорошим. Доказывай потом, что я не верблюд... Ох, придется взять трубку.

– Ну алло...

– Фамилия? С кем я разговариваю?

– Да зачем Вам моя фамилия? Вы все равно меня не знаете... – заныла я слабым голосом. – Я же ничего не делала, я просто спала...

– Как Ваша фамилия?! – настойчиво требовала заведующая кафедрой.

– Ну Сквирская... – в конце концов проблеяла я.

– Так вот, Сквирская, слушайте меня внимательно: когда придет Ниночка, передайте ей, чтобы срочно купила цветы, потому что Евгению Георгиевичу утвердили докторскую.

Тьфу, только и всего.

– Вы меня поняли, Сквирская?

– Да-а... – прошелестела я, находясь в полуобморочном состоянии, не чая выбраться из этого злополучного места.

Вечером весь прогрессивный Новосибирск рвался на консерваторский новогодний капустник.

Зато нас, членов редколлегии, пусть и «младший рядовой состав», без очереди пропустили в зал, как своих. Настроение наладилось. Я уже и думать забыла про свое кошмарное пробуждение в неполюженном месте, двигаясь по залу в толпе блаженных, которых тоже оказалось немало.

– «Але, это кафедра истории музыки... – вдруг пропищал кто-то над моим ухом тоненьким голосом. – Ой, нет: марксизма-ленинизма...»

Недоуменно оборачиваюсь... Это вихрастый Костик за спиной передразнил меня, ехидно улыбаясь. Интересно, откуда он узнал?..

...Поступив в консерваторию в одной стране, мы закончили ее уже в другой. Изменилось не только название государства. В нашу жизнь грубо ворвались гласность и свобода.

Кафедра идеологии понемногу сдавала свои позиции. Светила сибирской скрипичной школы, звезды фортепианного исполнительства пачками повалили из страны, на все четыре стороны.

– ...Ах, этот Вадик Р.! То и дело пропускает лекции по историю партии, – помню, во все-услышание ругалась Железная леди. – Ну и что, что гастролы. Не знаю, не знаю, как он мне будет сдавать. Останется у меня не аттестованным, – и весь поток замирал от ужаса.

Кстати, Вадик так и не вернулся на Родину с гастролей, успешно зависнув в Европе, – там, где по достоинству могут оценить гениальную скрипичную игру, без бесплатного приложения, в виде знания основ марксизма.

Он приехал в Россию через несколько лет, говорят, на собственную свадьбу, и не в Сибирь, а в Питер. Легенда гласит, что ректор Новосибирской консерватории, – тот самый, которому покупались цветы в честь защиты докторской, – срочно вылетел в Питер, чтобы самолично вручить жениху, в качестве свадебного подарка, диплом об окончании Новосибирской консерватории. Догнал и вручил. У меня только один вопрос: какую оценку они ему нарисовали по истории партии?

А следующим ректором после ушедшего на пенсию Евгения Георгиевича стал... тот самый Костик со смешной фамилией. Вот тебе и несолидный парнишка.

Ничего странного: он еще тогда подозрительно много знал.

Зачетка

Имена изменены, образы собирательные

У первокурсников шел экзамен по истории зарубежной музыке. Его принимала одна из представительниц «климактерического комплекта», по выражению консерваторских остро-словов, в народе Баба Маня.

Тощая и сутулая, крючконосая и косоглазая, она напоминала Бабу-Ягу, переодетую в мужской костюм. Баба Маня носила брюки, пиджак, галстук, мужские ботинки, в уголке запавшего рта постоянно торчала дымящаяся сигарета. Седые космы были выкрашены в соломенный цвет.

Сейчас уже трудно было себе представить, что когда-то (примерно в прошлом столетии) ее выгнали из консерватории за аморалку – застучали с поличным на рояле...

Баба Маня по-семитски картавила и, кажется, пребывала в полном маразме.

Она отправилась пообедать и... ушла домой, начисто забыв, что у нее экзамен.

Мы с Люськой, единственные, кто еще не сдал, маялись в классе. Через несколько часов мы побежали на кафедру – узнать, жива она или уже нет. Бабу Маню объявили в розыск и, наконец, вернули на экзамен.

Вечерело.

Согласно билету, мне выпал Вагнер, любимый композитор Бабы Мани. Опера «Валькирия».

Непрожеванные куски знаний я преподносила эмоционально, нахально и уверенно. Баба Маня то ли не слышала, то ли не слушала меня. Она один раз всхрипнула, пару раз мне кивнула и поставила «хогошо».

Взяв зачетку, она нарисовала «хогошо», только... ха-ха, не в своей графе!

Спохватившись, преподавательница вытащила «шттрих», затерла белым, измазала всю страницу, начертила «звездочку», сделала сноску внизу, расшифровала ее словами «исправленному верить», размашисто расписалась. Затем поставила оценку на нужное место, снова лихо расписалась и изобразила мне на прощание что-то вроде улыбки.

Фу, неужели это кончилось...

Люська тоскливо проводила меня взглядом.

– ...Сейчас я тебе что-то покажу, – заинтриговала я мужа, придя домой в общагу. – Такой зачетки ни у кого больше нет.

Я полезла в сумку... Увы, зачетки не было.

Вытряхнув из сумки весь хлам, я на три раза все перебрала, но так и не нашла. Что за ерунда?

– Значит, зачетка осталась в классе. Завтра заберешь, – успокаивал меня Шурик. – Не волнуйся.

С этого я начала новый день – пошарила в классе. Увы.

Я бросилась к Бабе Мане.

– Я вчера оставила зачетку на Вашем столе. Вы случайно не знаете, где она?

Баба Маня приняла потерю близко к сердцу.

– Идемте! – скомандовала она. – Мы отыщем ее!

Я доверчиво двинулась за Бабой Маней на кафедру истории музыки (на самом деле это крохотная каморка, в которой помещаются только два шкафа, заваленные папками и плакатами, и два письменных стола, скрытые под бумагами и рефератами).

Баба Маня подставила стул к одному из шкафов и, проворно взгромоздившись на него, принялась снимать мне на руки пыльные плакаты и вешать на меня наглядные пособия по очереди, без конца повторяя:

– Щас найдем! Здесь нет! И здесь нет! Посмотрим там!

Она резво переставила стул к следующему шкафу:

– Щас найдем!

Я кинула всю эту наглядную агитацию на пол и бросилась бежать со всех ног из этой кунсткамеры, именуемой кафедрой истории музыки.

...«Может, зачетка осталась в клавирах?» – в последней надежде я отправилась в библиотеку.

Сочувственные библиотекари вынесли мне на прилавок всю вчерашнюю обширную стопку опер Вагнера, симфоний Брамса, вальсов Шопена и рапсодий Листа. Все это я по очереди перетряхивала, уже предвидя, что это пустая затея, от которой пользы не больше, чем от поисков Бабы Мани.

«Все, больше нет версий. Пойду сдаваться», – решила я.

Набрав в грудь больше воздуха, я открыла дверь в деканат.

Там я испила до дна всю чашу унижений в связи с утратой самого дорогого – зачетной книжки, и осознала трудности тернистого пути, по которому мне надлежит пройти, дабы восстановить утерянный документ, со всем миллионом подписей.

– У меня следующий экзамен через четыре дня, я не успею, – плачущим голосом сказала я.

Чиновница, поджав губы, выписала мне временный экзаменационный лист.

Жизнь продолжалась, несмотря ни на что.

Я зубрила диамат и писала «шпоры».

...Накануне экзамена в комнату постучали.

Ввалилась Люська, в полотенечной чалме на башке и с красным тазиком выжатого белья, – видимо, шла из подвального душевого помещения на свой шестой этаж.

– Леля, забери свою зачетку, – и с порога швырнула мне на кушетку вождеденную влажную книжицу.

Нет слов, чтобы передать мою радость.

– Боже! Где ты ее взяла? – я готова была расцеловать Люську.

– Ты сама ее оставила у Бабы Мани на столе.

– Так она же...

– Вот она сама и сказала мне: Леля оставила свою зачетку, передайте ей.

– Странно... Но почему же ты не передала?

– А что я сейчас делаю, по-твоему?

– Так почему не передала сразу? – настаивала я.

– Че пристала. Нечего зря бегать туда-сюда – экзамен же только завтра, – резонно ответила Люська.

Гений и электротехника

Композитор первого курса Крылов сидел за столом в своей комнате, никого не трогал, писал музыку.

И тут раздались неприятные, отнюдь не музыкальные звуки... Кажется, заискрился щиток в секционном коридоре. Щиток тот находился на стене Крылова, только с другой, коридорной стороны.

Композитор Крылов, выскочив из комнаты и увидев на стене все это сверкающее электрическое безобразие, быстренько сгонял в умывальную за ведром с водой и одним махом выплеснул на неисправный щиток.

Гений и электротехника, увы, – две вещи несовместные. Раздался взрыв, снесло пол-стены...

...Вся тайная жизнь Крылова с его «легкой» руки превратилась в явную: в его комнате зазияла дыра во внешний мир.

– Привет, Андрюха, – здоровался каждый, заходя в секцию общежития.

– Привет, – вздыхал тот, поднимая голову от нотной тетради.

И так месяца три, пока комендант не прислал рабочих, чтобы заделали стену.

...Сегодня это самый исполняемый композитор Новосибирска. В разных театрах – оперных, драматических, театрах музкомедии – идут его оперы, мюзиклы, а также музыка к спектаклям для взрослых и детей.

Все путем

Помню, на лекцию по современной музыке к нам пришел всемирно известный композитор Юрий Юкечев, мастер импровизационной и электронной музыки, последний крик моды по тем временам.

Анна Матвеевна, или Баба Аня, пригласившая его, представила его нам, как автора балета «Комиссар».

Маэстро поморщился, смолчал. Но только приготовился он рассказать студентам о своей сложной творческой лаборатории, как Баба Аня вылезла со встречным предложением:

– Юрий Палыч, ну расскажите же нам о своем балете «Комиссар»!

Надо было видеть, как скривилось лицо композитора. Кажется, этот злополучный «Комиссар» – последнее, увы, о чем бы он хотел вспомнить. На какие только компромиссы не пойдешь, чтобы выжить, продержаться и получить возможность делать свое дело.

Мы и сами, как только не ухищрялись, чтобы спихнуть зачеты и экзамены по предметам марксизма. Наши композиторы-однокурсники, например, объясняли педагогу, что им некогда готовиться к экзаменам, поскольку они работают над оперой (ораторией) под названием «Капитал». Кстати, действовало безотказно.

Сейчас кажется смешным, что преподаватель не только не смеялся над странной идеей, но даже не позволял себе усомниться в ней. А как же иначе, для этого композиторов и растим!

Я вам скажу больше, в одной такой оратории, с позволения сказать, мы и сами поучаствовали.

Я была на втором курсе, а Шурик на первом, когда нашей консерватории сделали предложение, от которого нельзя отказаться. Сверху пришло указание «весело встретить праздник», то есть достойно отметить семидесятилетний юбилей Великой Октябрьской социалистической революции.

Ради этого мобилизовали не только дирижерско-хоровой факультет, но и музыковедов с младших курсов, то есть нас.

Извлекли почти из небытия одно макабрическое произведение – ораторию «Путь Октября». По сравнению с ней меркнет даже идея музыкальной постановки «Капитала» Маркса...

...История этой оратории весьма показательна.

Еще 20-х годах в Московской консерватории сложилась странная молодежная студенческая организация, на новоязе «Проколл». Одна расшифровка этого названия чего стоит: Производственный коллектив студентов научно-композиторского факультета. Мне особенно нравятся слова «производственный», применительно к композиции, и «научный», относящийся к музыковедению. Я даже знаю, что это за «наука» – именно ее приходилось сдавать с таким скрипом.

Так вот, эти ребята из Проколла «научно» сформулировали себе задачу – «создание художественно-музыкальной литературы, проникнутой идеями советской революционной ответственности», затем воплотили ее в первой советской оратории «Путь Октября», к десятилетию Революции. Тема – «Развитие революционного движения», ни больше, ни меньше.

Точнее, никакая это не оратория, скорее музыкальное действие, с декламацией, жестами и песенно-хоровыми номерами, ведь массовая песня была признана основой пролетарского искусства. Гибрид пионерского «монтажа», сельских посиделок и массового шествия – все это было рассчитано на клубную самодеятельность.

Это еще не все: в качестве дани коллективизму эти ребята творили сообща, без конца собираясь и дебатирова «эту ноту надо играть так», отчего оратория напоминает лоскутное одеяло.

Мы были за любой кипеж, кроме голодовки, поэтому без лишних щемлений окунулись в репетиции этого странного произведения.

Странностей в нем было более, чем достаточно. Например, ритмизованная декламация.

Чтецам не просто надлежало с выражением прочесть текст, но скрупулезно уложить его в ритмическую последовательность – из триолей, пауз, пунктирного ритма. Кроме того, стихи были почему-то разбиты на двух исполнителей – тенора и баритона. Казалось бы, какая разница для чтецов! Ан нет.

Выходил Вовик, композитор с нашего курса, и высоко начинал:

– Я-понская (пауза) вой-на! (пауза) – у него выходило «и-понская! Война!»

Вступал мой Шурик, низко и грозно:

– Не русский народ, а русское (пауза) са-мо-дер-жавие (пауза)

Начало э-ту (пауза) колониаль-ную (пауза) вой-ну! (по слогам).

И так далее, в том же духе.

Из Оперного театра пригласили режиссера – мужеподобную даму с черными крашеными волосами – и балетмейстера, пожилого щеголя подозрительной ориентации. Они поставили массовые движения. В них преобладала маршировка на месте или шаг влево, вправо, вперед, назад.

На сцене Большого зала консерватории было тесновато, ногами не разбежишься, зато особую выразительность балетмейстер придал нашим рукам. Жесты рук были широкие, но достаточно однообразные: все так или иначе напоминали жесты Ленина на большинстве памятников – типа, вперед, в счастливое будущее.

Собственно, репетировали мы именно из этого «будущего», о котором так мечтали «проколловцы» полвека назад, и особого «счастья» в нем что-то не заметили, но нас это не смущало. Студенты консерватории уже успели усвоить двойную мораль и были отравлены цинизмом.

Мы толклись, махали руками, декламировали хором Маяковского, а хоровики разучивали свои номера, состоявшие из частушек, народных и массовых песен, – в общем, «взвейтесь да развейтесь».

– Говорят, это произведение долго лежало под запретом, – болтали в кулуарах.

– Да вы что? А что там такого? Вроде пролеткульт махровый.

– Это из-за слов «Ленин впереди». Сталин запретил.

– Надо же!

– Это что: вместо «Ленина» первоначально и вовсе, говорят, стоял Троцкий.

Но Троцкого не пропустили даже в наше время, не до такой степени сняли цензуру.

Не знаю, кому из старшекурсников пришло в голову показать эту ораторию на консерваторском новогоднем капустнике. Но идея была весьма остроумной.

Изменили только лишь название: «Все путем». В остальном же не поменяли ни строчки, ни жеста. Тот же ритмизованный пафос стихов, те же трудовые массовые жесты, антибуржуазные частушки и пролетарские песни.

Но вот что странно: на премьере публика уныло таранилась на сцену, а здесь все буквально умирали со смеху.

Так что совсем не плохое это произведение, если рассматривать его как пародию!

«...Дней бык пег.
Медленна лет арба.
Наш бог бег.
Сердце наш барабан».

Синее платье

Имена изменены, образы собирательные

Платье было темно-синим, почти черным, облегающим, из тонкой шерсти, с белой аппликацией в виде листочка. Фасон отличался благородной простотой – вырез под горлышко, длина макси, косая оборка «гаде». И в пир, и в мир. Одним словом, югославское.

Шел девяностый год, если что. Перестройка еще не грянула, и в новосибирские магазины еще изредка завозили импорт, всегда качественный.

Для нас, молодой семьи студентов-музыковедов, платье было не по карману, но мы с Шуриком не смогли упустить такой шанс, и выложили за него все, что имели на тот момент.

Оно стало моим первым приличным платьем, в котором я почувствовала себя человеком и женщиной.

...Надо же было такому случиться: вырядившись в шикарное платье, я опоздала на лекцию, да еще по политэкономии.

«Политэкономия пережил – считай, консу закончил», – говаривали бывалые старшекурсники.

Этот сомнительный предмет вела странная дама лет пятидесяти, по имени, ни больше, ни меньше, Изида Петровна. Сдать политэкономия было или очень легко, или невозможно. Случалось, талантливые музыканты вылетали из консерватории, не поладив с Изидой. Однако большинство преодолевало этот рубеж вообще без экзамена.

Из уст в уста, от «дедов» к новым поколениям передавался секрет, как сдать политэкономия. О том, чтобы просто взять да выучить политэкономия, даже речи не шло – все равно, что найти черную кошку в темной комнате, зная, что ее там нет...

Зато у педагога есть свои маленькие слабости, о которых слагали легенды.

Мальчикам-композиторам по определению было проще, особенно симпатичным. Для верности нужно было сообщить ей о своей «мечте» написать ораторию по книге «Капитал» Маркса, и «автомат» обеспечен.

Девочкам приходилось сложнее.

Изида Петровна обожала бриллианты. Ювелирные изделия, коих у нее насчитывалось ровно двадцать восемь, приобретены были для заграничных приемов, – супруг нашей Изиды был каким-то партийным выездным чиновником.

Говорят, на Западе бриллианты принято надевать только после пяти часов вечера. Но Изиде закон не писан: тетка носила сразу все бриллианты, не снимая. На лекциях она специально укладывала кисти рук на край стола так, чтобы студенты смогли хорошенько разглядеть дорогие перстни. Облезший лак и темные полосы под ногтями подчеркивали правильное, рабоче-крестьянское происхождение хозяйки драгоценностей.

Пресловутая близость к корням лишала Изиду всяческой элегантности, хотя средства позволяли одеваться дорого и брендово. Модная одежда на ее бесформенной, расплывшейся фигуре выглядела чуть карикатурно.

Например, изысканный костюм «шанель».

Как назло, заведующая кафедрой марксизма, ярая поклонница аэробики, как-то пришла на работу в абсолютно таком же! Увы, сравнение оказалось не в пользу Изиды. Зато у заведующей не было бриллиантов, а дама без бриллиантов, считала Изида, – что букет без вазы.

Бриллианты – пропуск к сердцу Изиды Петровны. Студентки в бриллиантовых серьгах экзамена не сдавали: политэкономия зачитывалась им автоматически, – Изида «своих» уважала. Годился и запасной вариант: взять на экзамен бриллианты напрокат: эти маленькие «друзья девушек» гарантировали у Изиды Петровны отличную оценку.

А вот той, у кого ни бриллиантов, ни возможности одолжить, приходилось выкручиваться.

Одна подчеркнуто активно вела себя на семинарах, демонстрируя неумный интерес к предмету.

Другая на переменке напропалую подлизывалась к учительнице («Ах, Изида Петровна, как от Вас чудесно пахнет!» – «О, эти духи я купила в Париже»).

А я, мало того, что жила на свете без бриллиантов, мало того, что на семинарах угрюмо отсиживалась на «камчатке», так теперь еще и опоздала на лекцию минут на двадцать...

...Осторожно проскользнув в конференцзал, мечтая стать невидимкой, я лихорадочно высматривала пустое кресло. Как вдруг...

– Проходите, пожалуйста! – прервав лекцию, Изида Петровна лучезарно улыбнулась мне. – Садитесь, пожалуйста!

Я подумала, что ослышалась... Торопливо плюхнулась на первое попавшееся свободное место, сбита с толку.

Загадочное поведение Изиды объяснилось сразу после урока: на лестнице нос к носу я столкнулась с заведующей кафедрой марксизма, и та была... в точь-в-точь таком же югославском платье. Да уж, несмотря на усиленные занятия аэробикой, она мне явно проигрывала: такой фасон смотрелся на ней не по возрасту. (Как говорится, красивой была-ни была, не знаю, а молодой была).

Спиной почувствовав уничтожающий взгляд, на всякий случай я прибавила шаг.

...На очередном семинаре по политэкономии разразился скандал: наша староста-отличница Оксана Добужинская, – между прочим, любимица Изиды, – совершенно неожиданно для всего курса вдруг встала и заявила, что «мы не намерены слушать и обсуждать весь этот бред, который вы нам вешаете на уши, Изида Петровна»...

Насчет «брета» она нисколько не преувеличила. И все-таки это было неприкрытое хамство в глаза, ставшее возможным только в контексте перестроечного свободомыслия.

Все впали в шок, не только Изида. Очухавшись, та пригрозила страшной мезьей в сессию, и не только ей, но и всем остальным. Просто она восприняла возмутительный поступок старосты, как выражение общего мнения курса.

Все опечалились.

Семинары прекратились, а с ними исчезла драгоценная возможность правдами-неправдами заработать себе «автомат». Пришлось всем подряд готовиться к экзамену. Только как можно подготовиться к политэкономии – это тебе не «общее фортепиано», где честно выучил да сыграл. В общем, под угрозой оказались у кого «красный диплом», у кого – стипендия, а у кого и учеба в консерватории.

... Чем ближе к экзамену, тем сильнее я мандражировала.

И только накануне меня, что называется, осенило: я поняла, как именно мне надлежит одеться...

...Стоял жаркий июньский день.

По городу вовсю летал тополинный пух, а я тащилась в консерваторию в темном шерстяном платье, почти до щиколоток. Встречные прохожие, одетые по-пляжному, поглядывали на меня с недоумением.

Зато Изида просияла, как только увидела меня на пороге...

Все прошло, как по маслу. Она даже не дослушала ответа по билету.

– Превосходно! Вы хорошая девочка, – похвалила меня Изида и ласково протянула мне зачетку.

Синее платье себя оправдало.

Злая fuga

Имена изменены, образы собирательные

Он был человеком без возраста. Его лицо состояло из одного профиля, как у борзой. Тощий, носатый, узколицый, он странно раскачивался при ходьбе, словно тростинка на ветру. Всяческое выражение у лица отсутствовало напрочь.

Маленькие черные глаза, сами по себе острые, пронизательные, неглупые, очень редко останавливались на нас, студентах. Он был проректором Новосибирской консерватории. Его огромный кабинет находился напротив ректорского. Где он, а где мы.

Краем уха от других преподавателей, от консерваторских старожилков нам доводилось слышать, что Аркадий Михалыч, почти единственный из всех новосибирских музыковедов, был настоящим ученым, а не околмузыкальным болтуном-идеологом.

– Каждая его курсовая работа тянула на докторскую диссертацию, не меньше, – сказала одна преподавательница, в прошлом его сокурсница.

– Он был одним из самых талантливых студентов-музыковедов, – обмолвился другой, постарше. – Но, к сожалению, его сломали.

Что значит – сломали? Чувак сделал неплохую карьеру, – вон в каком кабинете сидит, чего вам еще.

...После первого курса мне пришлось уйти в декрет.

Родив дочь в октябре, по закону я должна была вернуться к учебе через полтора года, то есть в апреле. Ну ни туда, ни сюда. Как быть?

В сентябре я специально приехала из родного Томска в Новосибирск, в консерваторию, чтобы попытаться продлить отпуск еще на полгода, до следующего сентября. Как раз мой Шурик станет первокурсником, – вот мы и приступим к учебе вдвоем.

Слава Богу, деканом факультета теории музыки на тот момент была знакомая преподавательница по анализу форм, вроде бы вполне адекватная.

– Наталья Ивановна, может, пусть я выйду на второй курс в следующем сентябре? – в виде просьбы я подсказала ей выход из положения.

– С какой стати, – ответила незлобивая Наталья Ивановна. – Ваш декретный отпуск по уходу за ребенком всего полтора года, а не два.

– Но если я выйду в апреле, то получается, я пропускаю семь месяцев!

– Нет, это исключено. Вам нужно выйти прямо сейчас, – заявила деканша.

– Я не могу сейчас! – я в отчаянии. – Я же еще ребенка кормлю!

Это чистая правда: мой свитер под пальто аж намок от молока, – после родов так надолго я еще не уезжала из дома, от ребенка.

– А я здесь при чем? – равнодушно парировала добрейшая Наталья Ивановна.

– Что же мне делать?..

– Ну, сходите к проректору, – отфутболила она меня.

– ... Я не понимаю, почему бы Вам не восстановиться через два года? – недовольно пожал плечами Аркадий Михайлович. – Зачем горячку пороть!

Ну наконец-то умный человек нашелся!

– Ну конечно, это было бы лучше всего, – обрадовалась я.

– Вот и приезжайте через год. Давайте сюда бумагу, я подпишу, – проректор протянул руку.

– У меня нет с собой, она осталась в деканате, – засуетилась я. – Я щас принесу. Я мигом!

– Хорошо, давайте, – милостиво кивнул проректор.

Через семь минут, мчась обратно по консерваторскому коридору, к его кабинету, я вдруг далеко впереди себя заметила, как проректор, в шапке и дубленке, направляется к выходу.

«Эх, не успела, он уже на обед пошел», – с сожалением подумала я.

Проболтавшись с час, я решила проверить, не вернулся ли Аркадий Михайлович.

– Он в отпуске с сегодняшнего дня, – ответила секретарша в предбаннике.

– А... когда вернется? – не веря своим ушам, с тайной надеждой, что это недоразумение, спросила я.

– Через полтора месяца, – преспокойно заявила секретарша, бесповоротно уничтожив мою веру в человечество.

Я остолбенела. Да что же это такое!

Вот теперь придется возвращаться в Томск, не солоно хлебавши.

...Вечером в концертном зале консерватории выступал Рихтер.

Билетов не было, но после третьего звонка в зал запустили всех студентов, в том числе и меня.

Старенький Маэстро играл только по нотам – он сорвал себе память, выучив весь фортепианный мировой репертуар, – но играл гениально.

Я не чуяла ног под собой, не обращая внимания на ноющую грудь и намокшую блузку. Пусть это будет утешительным призом для меня. Я больше не жалела, что приехала в Новосибирск. Ну, в конце концов, Шурик вместо меня потом съездит и оформит эти документы.

И все же, почему, почему он так со мной поступил?!

...Курс полифонии читал у нас Аркадий Михалыч.

Занятия проходили в том самом огромном кабинете. Я с удивлением отметила, как горят его глаза, когда он рассказывает о таких математически сухих вещах, казалось бы, как «индекс вертикалес» в фуге строгого стиля. И вообще, я обнаружила в нем увлеченного человека, вовсе даже не плохого.

Явственно чувствовалась в нем простая человеческая порядочность. Профессор был прочно и на всю жизнь женат, сроду не был замечен ни в каких скандальных интрижках со студентками. Его преподавание музыки граничило со служением, недаром он был органистом и знал латынь и христианскую религию.

Но почему, почему он тогда не подписал мне бумажку?..

...Это голодное перестроечное время мы с Шуриком вспоминаем очень тепло.

Границы страны открылись, и в консерваторию стали наезжать иностранные музыканты, чего раньше не было. Первыми пожаловали итальянцы из уважаемой Болонской Академии музыки, с приветом от самого Падре Мартини.

И вот, живой итальянский музыковед в Малом зале читал лекцию по полифоническому стилю, а учительница с кафедры иностранных языков с трудом пыталась переводить на русский специальный музыковедческий текст.

Выходило забавно: в основе научной интриги фигурировала некая «сердитая фуга», и весь зал недоуменно пожимал плечами.

– Строгая фуга, – спокойно поправил с места Аркадий Михалыч. – Фуга строгого стиля.

Только позже я поняла, что это он «прорубил» это «окно в Европу» для Новосибирской консерватории.

Он же организовал «немецкое нашествие» из Мангеймской Высшей Школы музыки. Толпа студентов и профессоров прилетела к нам в Сибирь, чтобы устроить нам настоящий пир во время «перестроечной чумы» и интенсивное погружение в гармоничный мир солнечного Моцарта.

...Наступил девяносто первый.

Для своей дипломной работы я выбрала Эбеновый концерт Стравинского, но проанализировать его решила не в свете марксистско-ленинской теории, как это было принято в СССР,

а сквозь призму фрейдовской теории сновидения. Музыковеды только начали дерзить, и я была одной из первых ласточек.

В общем, затея была с непредсказуемым результатом, и мой научный руководитель, профессор Лужский, не в силах был скрыть своего волнения.

Аркадий Михалыч был официально назначен моим рецензентом. К моему величайшему изумлению он написал блестящий отзыв. А на защите свое выступление он начал такими словами:

– Мне еще не приходилось держать в руках музыковедческую работу, которую было бы так интересно читать, и в которой я бы не мог предугадать, чем все кончится...

Так что своей отличной оценкой, пятеркой, я частично обязана ему.

Но все же почему, почему тогда он удрал, не подписав мне бумажку?!

– ...Если можешь чего-нибудь не дать, так не дай! – часто повторял эту фразу один блистательный пожилой мэтр, воспитавший целую плеяду пианистов, гордость нашей консерватории.

После того, как Маэстро эмигрировал в Израиль, его стали цитировать еще чаще. Именно ему удалось сформулировать суть жлобства, которое пышным цветом цвело-процветало в нашей забытой Богом консерватории.

Все было перевернуто с ног на голову. Амбиции, самолюбование, карьеризм – к этому в консерватории относились с пониманием. Зато такие архаизмы, как доброта, верность и щедрость – нещадно высмеивались, как проявления слабости.

Можешь не дать, – не дай. Вот по этому принципу все они и действовали. Не потому ли замечательный Аркадий Михалыч не подписал мне тот документ?

...Львиная доля профессиональной музыки является христианской. Анализируя ее структуру, изучая тексты, исполняя произведения, все мы тем не менее не постигали главного, самой сути христианства: Бог есть Любовь.

Именно Любви здорово не хватало в консерватории. И Бога.

...Кстати, о Боге.

Наши консерваторию, этот оплот марксистско-ленинской идеологии, вдруг посетил настоящий францисканец – в коричневой сутане с капюшоном, опоясанный белой веревкой с тремя символическим узлами. В том же Малом зале, где нам читали лекции по научному атеизму и подобным не подтвержденным жизнью наукам, монах-священник по имени отец Павел, настоятель католической церкви на улице Мира, провел беседу на тему истории старинного ордена францисканцев, затем ответил на многочисленные вопросы не веривших собственным ушам и глазам студентов и преподавателей. Кто позволил?!

После его визита в консерваторию католичество буквально вошло в моду. Студенты повадились петь в церковном хоре, а преподаватели кинулись изучать Библию, консультируясь с профессионалом-священником. Куча моих однокурсников приняли крещение. Многие съездили в паломничество в Ченьстохову, на Встречу молодежи с Римским Папой.

Мы с Шуриком продержались дольше остальных, не желая поддаваться модным веяниям, но и мы стали в конце концов вразумными, как говорится, воцерковленными католиками.

Только недавно меня осенило: все это произошло с легкой руки Аркадия Михалыча, хотя меньше всего консерваторское начальство можно было заподозрить в причастности к христианству. Но ведь это он пригласил отца Павла в консерватории, используя свое служебное положение. Больше некому. Только зачем ему это нужно?..

...Спустя много лет в числе прихожан новосибирского католического Кафедрального собора Преображения Господня я с удивлением вдруг заметила Аркадия Михалыча.

Так он католик! Чудны дела Твои, Господи...

Пожилой профессор всегда выбирал места на последних скамейках, предпочитая вечерние Мессы, на которых не столь многолюдно. Храм он всегда покидал последним, перед самым закрытием.

Проходя мимо него, я не знала, как себя вести. Его лицо было непроницаемым. Хотел ли он быть узнанным или нет?

Однако Аркадий Михалыч еле заметно кивал мне головой.

Болтали, что он был смертельно болен.

Зачет по фольклору

Имена изменены, образы собирательные

Я поднималась по лестнице Якутского аэропорта.

Наша съемочная группа только что сняла у трапа встречу нового католического епископа. Шел август девяносто девятого года. Его Преосвященство прибыл с пастырским визитом в Якутию.

Как вдруг на верхней площадке я увидела двух человек из моей прошлой, консерваторской, давно забытой жизни. Это был профессор Лапкин, известный на весь мир этномузыколог, и якутка Таня, моя однокурсница, его нынешняя жена.

Оба преспокойно стояли здесь, на краю земли, и улыбались мне, удивляясь не меньше меня. Таня была в зеленом деловом костюме, как и положено быть супруге замминистра культуры республики Саха. А ведь я помню ее в джинсах и свитерке. Такая же хорошенькая, как и раньше. А Лапкин пополнел, даже слегка обрюзг.

Я бросилась к ним, как к родным. После тройных объятий и сбивчивых поцелуев они пригласили меня к себе домой. Осталось только отпроситься у брата Дамиана, моего начальника.

– Только учти: в шесть утра машина отъезжает в Алдан – с тобой или без тебя, – предупредил тот меня.

Главное, что отпустил.

...С Лапкиным я познакомилась на первом курсе Новосибирской консерватории, в восемьдесят пятом году. С Таней – тогда же.

Профессор Лапкин читал лекции по предмету «Народное музыкальное творчество», и делал это весьма неординарно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.